

Изравца. - 1990. - 2 апр. - с. 4.

КРИКАЗИИ,

или Можно ли сыграть пьесу на 11 языках?

Можно ли сыграть пьесу на одиннадцати языках! Представим себе, японец говорит со сцены по-японски, филиппинец отвечает ему на тагальском... Притом представим себе, что это даже не пьеса, а балетная пантомима, где сосуществуют различные традиции народных танцев, которые складывались в каждой стране столетиями.

Традиционный спектакль в Азии — это синтетический жанр: и драма, и опера, и балет одновременно. Имеют значение и цвет маски, и удар гонга, и каждая поза танца-пантомимы.

— Представьте себе, скажем, на сцену выносятся свечи. Для нас, филиппинцев, это символ света, надежды. Для индонезийца же скорее знак молитвы, размышления, грусти. Что выбрать? Мы собирались вместе и спорили. И знаете — находили то общее, что есть в наших театральных традициях, — говорит Эл Сантос, драматург и режиссер этой необычайной постановки и автор самой пьесы.

«Мы» — это певцы, танцоры, актеры из Индии, Индонезии, с Филиппин, из Малайзии, Таиланда, Японии, Южной Кореи, Пакистана, Новой Зеландии, Шри-Ланки. Пьеса Сантоса, названная «Крик Азии», — реальность. Она уже прошла на Авианьонском театральном фестивале во Франции, в Англии, Австрии, ФРГ, Гонконге... И везде — успех.

Эл Сантос — известный художник. Ему 35 лет, но пьесы его идут в Маниле давно и часто. На мой взгляд, он работает в жанре традиционного театра, на его собственный — это скорее «европеизированный» — стиль.

— Азия очень разнообразна, но у нас много общего, — говорит он. — И мы начали с открытия: как мы похожи. Сюжет я выбрал тоже знакомый всем:

демон пожирает солнце, а люди объединяются, чтобы его победить. Такая сказка есть почти во всех наших мифах.

Но все же эту необычную труппу и невиданную постановку держит вместе не столько удачный поиск культурной общности, сколько общая политическая идея. «Крик Азии» — пьеса политическая. Демон, пожирающий солнце, олицетворяет старых и новых колонизаторов. И по всей пьесе разбросано то, что понятно в Азии каждому. Вот жрец местного культа, вступивший в сговор с демоном и заставляющий людей забыть свою историю, культуру, прошлое. Вот опасные и бесполезные военные машины, которые заставляют их делать победивший демон. Единственные в пьесе слова на европейском (английском) языке: «Левой — правой, левой — правой... Огоны!»

Итак, цель пьесы — возрождение национальных культур ради борьбы за освобождение народов Азии. Здесь обычно и останавливаются авторы театральных рецензий, которых у Сантоса накопилось немало.

Для меня же вопросы только начинаются, причем сам Сантос может ответить далеко не на все.

Да, это было — колониальные войны, уничтожение сотен людей. Да, остается экономический неокOLONИализм, беспросветная нищета миллионов азиатов.

— Колониализм никуда не

ушел, — говорит Сантос, — генерал-губернаторы фактически никуда отсюда не уезжали. На Филиппинах и в Южной Корее они сохраняют свои военные базы и в нужный им момент вмешиваются в наши дела. В экономике они заставляют нас вывозить сырье, сельскохозяйственную продукцию. А ведь мы

Тревога за будущее национальной культуры

стреимся создать свою независимую экономику!

Но где же выход, Сантос? Ведь в наш век независимых экономик не бывает. Все попытки закрыть границы и существовать так, будто внешнего мира не существует, приводили к катастрофе.

Здесь Сантос и не пытается дать исчерпывающий ответ. Он художник, его главная боль — национальная культура. Для него страшнее всего то, что колониализм поломал старинные богатейшие традиции — те, что драматург пытается возродить своими пьесами.

— Что такое колониальная культура, можно увидеть хотя бы по дороге сюда, — замечает он.

Как, впрочем, и на любой другой дороге Манилы. Над запыленными жалкими домишками —

огромные неоновые вывески американской и японской рекламы. Призывающие людей покупать и покупать то, на что многие не заработают за всю жизнь. Включая в машине радио — и на всех волнах одни и те же песни, удостоившиеся чести далеко в Америке на этой неделе попасть в список «первых сорока».

— Это — навязанная нам культура, — говорит он. — Классическое же искусство у нас — развлечение для самых богатых. Мы должны изменить мышление

моими традициями, со сложившимися понятиями что такое хорошо и что такое плохо. Новый образ жизни для них пока чужд и непонятен. Но и обратного хода нет. И у людей этих попросту уходит из-под ног почва.

Приходится признать: традиционная культура неразрывно связана с традиционным же образом жизни. То есть по существу способом производства. Когда лес и поле, населенные духами, — твои друзья, когда вся жизнь — повторяющийся круговорот сельскохозяйственных работ, когда много детей — означает много работников на поле и заботу о родителях в старости. Когда на все немногочисленные вопросы ответ может дать вождь племени или служитель храма. Как ни печально, шансов сохраниться полностью нетронутой у этой культуры нет.

Но дать этим сложившимся за века традициям просто так уйти, погибнуть?

Наверное, нет такой страны, где не стоял бы так или иначе этот вопрос. Главное, что простых ответов нет. Но есть мучительные размышления, в том числе таких представителей национальной интеллигенции, как Сантос. Размышления, полные боли. Так возникла и пьеса.

Важно, чтобы тысячи европейцев, побывавших на постановке, поняли — или хоть попытались понять: это крик сотен миллионов людей Азии, говорит драматург. Наверное, это потому, что время сейчас на Земле такое — время понимать друг друга.

Д. КОСЫРЕВ.
(Соб. корр. «Правды»).

г. Манила.